

А. А. Мельникова¹

РОССИЯ И ЕВРОПА: ДУХ МЕНТАЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

Рассуждая об основаниях для диалога культур, мы неизменно наталкиваемся на проблему различия в ментальностях, ибо, используя термин «европейская ментальность», мы осознаем, что она складывается из национально-самобытных составляющих (итальянской, немецкой, русской и т. д.). И непонимание, проистекающее из данных ментальных различий, может осложнить диалог культур. Таким образом, одной из основ продуктивного диалога должны стать понимание и учет, по крайней мере, стержневого компонента самобытной ментальности, ее духа.

Вопрос о том, что является духом, основой, стержнем ментальности до сих пор является предметом горячих споров. Впрочем, и сама ментальность — предмет дискуссий, ибо проявления ее разнообразны, запечатлены во множестве модусов культуры, что создает возможность различных трактовок. При рассмотрении многообразных подходов к анализу ментальности всегда возникает проблема верификации и тем более согласования различных концепций. Один из способов разрешить противоречия — обратиться к анализу носителя. С одной стороны, система этого носителя максимально научно изучена, а с другой — в этом носителе воплощена достаточно полно и разнообразно национальная ментальность. Исследование национального языка — один из таких подходов. Идея о соответствии строения языка «внутренней организации мышления» определенного народа была высказана еще в начале XIX в. В. Гумбольдтом: «Различные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его»²; его пози-

цию разделял и известный лингвист Бодуэн де Куртене: «...без всяких оговорок можно согласиться с мнением Гумбольдта, что каждый язык есть своеобразное мировидение...».³ Толчок к планомерному исследованию этих идей дала выдвинутая в 1950-х гг. Э. Сепиром и Б. Уорфом гипотеза лингвистической относительности, базирующаяся на следующих положениях. Национальная культура — это групповой способ структурирования мира, для того чтобы избежать хаоса и обеспечить выживание группы, а язык — система символов, которая представляет и отмечает это структурирование. Индивид в детстве (начиная с младенческого возраста), еще до вступления в действие основных институтов социализации и инкультурации, впитывает в себя через язык самую сущность культуры. Хотя создаются этнические смыслы вне языка, однако язык запечатлевает результат — национальный способ восприятия, понимания реальности (то есть национальную ментальность), и, усваивая родной язык, ребенок постигает и содержащуюся в нем классификацию мира. То есть при социализации ребенка, согласно гипотезе лингвистической относительности, в первую очередь именно язык, его система предписывает ребенку определенную систематизацию и классификацию материала, поступающего из внешнего мира. В таком случае именно исследование языка позволяет получить достаточно полное представление о ментальности народа.

Однако простой выбор языка в качестве «определенной» национальной ментальности не снимает всех проблем методологического характера, ибо язык — многоуровневая система. Наиболее же

¹ Доцент кафедры психологии СПбГУП.

² Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 9.

³ Цит. по: Рамшвили Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. Избр. тр. по языкознанию. С. 12.

продуктивным в контексте нашего анализа представляется анализ структурной составляющей языка: наиболее вероятно, что именно в ней и будет «определен» стержень, основа ментальности (ибо не вызывает сомнения, что ментальность — это определенная система, следовательно, правомерно говорить о ее стержневой, несущей конструкции; именно она — дух ментальности, и тогда правомерно предполагать, что структура духа ментальности будет отражена в структуре ее носителя).

Итак, обращаемся к языку. Он включает в себя лексику (словарный состав языка) и правила ее компоновки — грамматику. Последняя, в свою очередь, состоит из двух разделов: морфологии (рассматривающей правила и средства изменения и построения слов) и синтаксиса (включающего правила и средства изменения и построения словосочетаний и предложений). И то и другое относится к структуре, однако именно предложение, а не слово является законченным высказыванием, содержащим осознанную мысль, что становится аргументом в пользу исследования синтаксиса. В свою очередь, синтаксис языка тоже определенная система со своей иерархией, и можно предположить, что в этой системе является базовыми, первичными характеристиками — ее сущностными основами — и транслирует наиболее значимые установки, относящиеся к духу ментальности.

Первичной, базовой характеристикой предложения является способ соединения в нем слов. Их два: жесткий порядок и свободный. При жестком порядке за каждым членом предложения закреплено определенное место, независимое от говорящего (обычно зависящее от типа предложения), а при свободном говорящий сам выбирает порядок расстановки слов в предложении в соответствии со своими целями и задачами (например, может не только сообщить информацию, но и расстановкой слов что-то подчеркнуть или усилить). Если предположение верно, тогда говорящие на языке с жестким порядком будут иметь определенные характеристики ментальности, отличающиеся от характеристик ментальности носителя языка со свободным порядком слов. Можно предположить также следующее. Поскольку предложение — это законченное высказывание о мире, то в структуре предложения содержатся закрепленные в синтаксисе основные представления о мире, то есть *национальная онтология*. Четкая, понятная, независимая от говорящего система предложения, «сверху» упорядочивающая хаос слов, формирует идею логичного мира, в котором все рационально обусловлено. Отсутствие же такой четкой структуры соответствует идее мира, в котором нет единой, все жестко организующей системы, нет четко выраженных причинно-следственных связей. Это определяет оппозиционную, протестную позицию по отношению к любой системе, которая: 1) находится «сверху»; 2) наделена функцией упорядочивания. Кроме того, можно ожидать также неприятие всего того, что способно выступать в качестве абстрактного объединяющего компонента (как системного, так и не системного характера). Наряду с этим поскольку при свободном способе соединения слов порядок их расстановки во многом зависит от говорящего, то в онтологических представлениях носителя такого языка, вероятно, будет усилена роль субъекта.

Дополнительными факторами при анализе основы, духа ментальности являются следующие характеристики структуры языка.

1. Соотношение положения глагола и существительного. Если на первом месте стоит существительное, то это предрасполагает к представлению субъекта в качестве деятельностного начала — именно он преобразует мир и, следовательно, может находиться в доминирующей позиции по отношению как к остальным субъектам и объектам в частности, так и ко всей «дольней» реальности в целом (но не «горней», которую олицетворяет система). Если на первом месте стоит глагол, то деятельность — самоорганизующаяся категория, подчиняющая себе и мир, и субъекта. Исследования американских лингвистов Э. Сепира, Б. Уорфа, Г. Хойджера, проведенные на материале языка американских индейцев (хоппи, нутка, навахо), выявили присущую именно им такую специфику категоризации мира, заключающуюся в преобладании глагольных форм в описании окружающей действительности, то есть в описании мира через действие. Анализируя данную особенность ряда индейских языков, Г. Хойджер высказал мнение, что она является отражением их представлений о мире как находящемся в непрерывном движении. «Даже в наши дни, — пишет он, — навахо является по преимуществу бродячим, кочевым народом»¹.

2. Взаиморасположение подлежащего и дополнения. В тройке «подлежащее (П), сказуемое (С), дополнение (Д)» возможно шесть разных порядков (П–Д–С, П–С–Д, С–П–Д, Д–С–П, Д–П–С). В целом в языках мира встречаются все возможные варианты расположения, но многие языки жестко фиксируют какой-то из способов расположения (в русском же возможны все шесть). Усилению оппозиционной направленности по отношению к субъектам и объектам «дольнего» мира, а не к системным управляющим принципам будет иметь те языки, которые выбрали для своей структуры любую из трех первых указанных комбинаций (так как эти порядки расположения подчеркивают доминирующую позицию субъекта действия по отношению к тому объекту или субъекту, на который направлено действие).

Указанные синтаксические отношения отражают предельно общие черты духа ментальности, которые могут быть уточнены анализом других типов синтаксических отношений. Например, усилению дистантной установки по отношению к другим субъектам или объектам способствует принадлежность данного языка к группе языков, выражающих идею обладания с помощью глагола «иметь» (кто-то имеет что-то), то есть с точки зрения синтаксиса обладание приравнивается к активному действию — такому же, как «брать», «держат», «класть» («I have a cat» — букв. «Я имею кота»). Такая конструкция формирует у субъекта ощущение своей значимости и первичности по отношению ко всем остальным субъектам и объектам, способствует разделению мира на «я» — «они», и «они» превращаются в предмет потребления. Субъект становится *приобретателем*, в то время как все остальное получает характеристики

¹ Цит. по: Васильев С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974. С. 30.

пригодных для приобретения объектов (это относится даже к тем объектам или субъектам, к приобретению которых действующий субъект отношения не имеет: например, фраза «I have a brother» обычно вовсе не означает, что некто приобрел брата). «Иметь»-языкам противостоят «быть»-языки, у которых на первый план выдвигается не идея обладания, а идея существования кого-то или чего-то.

Рассматривая эти два типа языков, Э. Фромм отмечал, что в них выражены два основных способа существования, два разных вида самоориентации и ориентации в мире, две различные структуры социального характера; анализируя существование по принципу обладания, он подчеркивал, что в этом случае «мое отношение к миру выражается в стремлении сделать его объектом владения и обладания, в стремлении превратить все и всех... в свою соб-

ственность»¹. К «иметь»-языкам относятся не только западноевропейские (то есть языки с жестким порядком слов), но и почти все славянские, причем не только чешский, польский, болгарский, но и максимально близкие к русскому украинский и белорусский. Последнее хорошо иллюстрирует, как синтаксические правила передают разные ментальные характеристики даже в предельно похожих по структуре языках.

Таким образом, анализ структуры языка, и прежде всего его синтаксических конструкций, дает возможность выявить предельно базовые характеристики ментальности, ее стержень, дух. Понимание же данной базовой характеристики поможет более продуктивно разворачивать диалог культур, ибо при построении этого диалога можно будет учесть особенности представителей другой культуры.

¹ Фромм Э. Человек для себя. Иметь или быть. Минск, 1997. С. 231–232.